

“ЗОЛОТЫЕ ГОЛОСА”

Лариса ДОЛГАЧЕВА

В тот вечер, определенно, было чем заняться. Например, поругать злодейку погоду с ее ливнями, которые, впрочем, не помешали полуторе тысяч меломанов устремиться в Большой зал консерватории на встречу с прекрасным. Или — подивиться многослойности упаковки, в которой предстал второй концерт фестиваля “Золотые голоса мира в Москве”. Его вписали в рамки фестиваля “Таланты России” и к уже имеющемуся “посвящается 400-летию оперы” добавили: “посвящается 850-летию Москвы”.

Можно было любоваться царственной статью героини вечера Галины Горчаковой. Предаваться приятным воспоминаниям о состоявшемся года два назад в этом же зале концерте (на котором как ни обольщала она публику романсами, а по-настоящему покорить сумела, лишь перейдя к оперным бисам). Можно было вволю гипнотизировать себя волшебными словами Метрополитен-опера, Ковент-Гарден, Ла Скала, Бастий — там она поет уже чаще, чем в родной Мариинке... Но сколько ни повторяй “мед, мед”, кислое яблочко от этого слаще не станет. Галина Горчакова, в 94-м признанная на британских просторах “певицей года”, в 97-м на московских просторах могла бы взять лишь титул “разочарование года”.

Погода ли тому виной, плохое самочувствие, профессиональные проблемы — до этого публике нет и не должно быть дела. Ей обещали золотой голос. Золотой же голос демонстрировал пестрый, в диапазоне от глухого до истеричного звук, тяжелые взлеты, небрежное слово, нечистую интонацию и — программу, являющуюся совершенным отображением как текущего репертуара певицы, так и узкого круга ее привязанностей: Верди, Пуччини, веристы, Чайковский (судя по всему, за пределы его она пока не стремится — обстоятельство, обещающее даже при наилучшей вокальной форме творческую стагнацию).

И номера из петых-перепетых ею на всевозможных сценах партий Тоски, Баттерфляй, Татьяна, и арии ее новых героинь Адриенны Лекуврер, Манон, Леоноры — все расплзлось “в руках” Горчаковой, как ветхая тряпица.

До формы ли ей было, до колористических характеристик и душевных переживаний всех

этих униженных и оскорбленных, когда звук — глубокий, бархатный, словом, фирменный горчаковский звук — не шел. Особенно пострадала бедная Таня, застигнутая певицей и нами в минуты сочинения своего злополучного письма, — такой мелочной, пустой жеманницы свет еще не видывал. Или... уже видывал? В мартовской постановке “Онегина” в Мет, где Горчакова исполняла эту партию?

Помнится, в позапрошлом мае Владимир Чернов отказался петь в БЗК свою куда более легкую программу, составленную из итальянских песен. Обманывать не захотел, за репутацию испугался, хотя понимал, какими неудобствами это обернется строителям и публике. И концерт был отменен за пару часов до начала. Горчакова блестяще вышла на эстраду, несмотря ни на что. Концерт-наваждение, в котором все — реальность (что может быть реальнее плохого вокала?) и в котором все слишком мало похоже на правду, состоялся... Когда-то теперь ей предоставится возможность восстановить в Москве свою репутацию? И кому расплачиваться за вопрос какого-нибудь юного простодушного создания: “Так это — золотой голос?!”

P.S. По счастью, был в сей драме и положительный герой — аккомпанировавший певице оркестр Московской филармонии во главе с Марком Эрмлером. Вот кто лепил ясные, выразительные, цельные формы в своих сольных номерах — увертюрах и интерлюдиях к “Пиковой даме” Чайковского, к пуччиниевской “Манон Леско”, к вердиевским “Силе судьбы” и “Травиате”, переигрывая (разумеется, не в смысле громкости, а в смысле качества) саму приму. Но это уже проблемы примы.



Фото Ю. БАРЫКИНА